

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Гротеск и абсурд как средства миромоделирования
в ранней лирике Н. Заболоцкого**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студента 2 курса 251 группы
направления подготовки 45.04.01 Филология
(профиль «Русская словесность и журналистика»)
Института филологии и журналистики

Суворова Александра Александровича

Научный руководитель
профессор, д.ф.н., доцент _____

И. Ю. Иванюшина

Зав. кафедрой
зав. кафедрой, к.ф.н., доцент _____

Ю.Н. Борисов

Саратов 2025

ВВЕДЕНИЕ

Дебютный сборник Н. Заболоцкого «Столбцы», изданный в 1929 году, остается объектом научной дискуссии во многом благодаря художественному новаторству автора и неожиданному для современников взгляду на Ленинград конца периода НЭПа.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного изучения категорий абсурда и гротеска, которые не только определяют своеобразие стиля поэта, но и отражают его философские воззрения на бытие, природу и место человека в мире.

Большой вклад в изучение поэтики «Столбцов» внесли С. Кекова¹, А. Кобринский², И. Лоцилов³, А. Македонов⁴, С. Пратт⁵, И. Роднянская⁶, А. Турков⁷, и др. В их работах поэтика «Столбцов» рассматривается в контексте экспрессионизма, сюрреализма и традиций ОБЭРИУ, что позволяет говорить о сознательном нарушении поэтом рациональных связей и создании альтернативных моделей реальности.

Абсурдность представленной в «Столбцах» картины мира отмечают многие исследователи. А. В. Македонов утверждает, что алогизм отражает глубинные мировоззренческие установки Н. Заболоцкого: «В двух строчках совмещено несовместимое; соединено то, что есть, и то, что может быть, должно наступить; соединены статичность и движение; точность и

¹ Кекова, С. В. Поэтический язык раннего Заболоцкого: (Опыт реконструкции) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. В. Кекова. Саратов, 1987. 200 с.

² Кобринский, А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века / А. А. Кобринский. СПб : Свое издательство, 2013. 316 с.

³ Лоцилов, И. Е. Феномен Николая Заболоцкого : дис. ... канд. филол. наук. / И. Е. Лоцилов. Хельсинки, 1997. 311 с.

⁴ Македонов, А. В. Николай Заболоцкий: жизнь, творчество, метаморфозы. / А. В. Македонов. Л. : Сов. Писатель, 1987. 368 с.

⁵ Пратт, С. Загадка Заболоцкого / С. Пратт. Бостон, СПб. : Academic Studies Press. Библиороссика, 2023. 400 с.

⁶ Роднянская, И. Б. Движение литературы. В 2 т. Т. 1. / И. Б. Роднянская М.: Знак: Языки славянских культур. 2006. 712 с.

⁷ Турков, А. М. Николай Заболоцкий / А. М. Турков. М. : Художественная литература, 1966. 143 с.

парадоксальный алогизм, выражающий внутреннюю логику всей этой напряженной сатирической картины»⁸. А. А. Кобринский рассматривает творчество Н. Заболоцкого периода «Столбцов» в русле обэриутской эстетики, для которой характерно сознательное разрушение логических связей. И. О. Шайтанов полагает, что Н. Заболоцкий останавливается «на грани абсурда»⁹, не переступая её окончательно, что придаёт его текстам особую философскую глубину.

Связь гротескной образности и абсурдной логики не получила комплексного рассмотрения в работах современных исследователей. Этот аспект требует дополнительного изучения, так как именно баланс между разрушением форм и поиском новых смыслов составляет суть поэтики «Столбцов».

Цель работы – проанализировать особенности гротескной образности и поэтики абсурда как ключевых элементов авторской системы миромоделирования в циклах Н. Заболоцкого «Городские столбцы» и «Смешанные столбцы».

Для достижения цели необходимо решить ряд **задач**:

- выявить и систематизировать гротескные образы в раннем творчестве Н. Заболоцкого;
- определить их функции в контексте философско-эстетической концепции поэта;
- рассмотреть поэтику абсурда как структурный принцип организации художественного пространства.

Предметом исследования являются гротескные образы, и абсурдная организация пространства в стихотворения и поэмах Н. Заболоцкого 1926-1931 гг.

⁸ Македонов, А. В. Николай Заболоцкий: жизнь, творчество, метаморфозы. / А. В. Македонов. Л. : Сов. Писатель, 1987. С. 297.

⁹ Шайтанов, И.О. «Лодейников»: ассоциативный план сюжета / И.О. Шайтанов // Вопросы литературы. 2003. №6. С. 168-181.

Материалом исследования послужили поэтические циклы Н. Заболоцкого «Городские столбцы» и «Смешанные столбцы», а также поэма «Торжество земледелия».

Структура работы обусловлена ее задачами. Работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованных источников, насчитывающего 57 единиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I. «Гротескные образы в раннем творчестве Н. Заболоцкого.

В первом параграфе «Гротеск в литературной традиции: от карнавальной эстетики к модернизму» рассматривается эволюция гротеска как эстетической категории — от его архаических истоков до эпохи модернизма.

Гротеск как художественный феномен имеет глубокие исторические корни. Как пишет М. М. Бахтин, человек встречает гротескное начало в «мифологии и в архаическом искусстве всех народов, в том числе, конечно, и в доклассическом искусстве древних греков и римлян»¹⁰.

В античной традиции гротеск ассоциировался с безобразным и комическим, что отразилось в трудах Аристотеля и Цицерона. Однако в Средневековье гротеск обрел новое качество, став элементом народно-карнавальной культуры, где он порождал амбивалентный смех, сочетающий веселье и сатиру. В эпоху Возрождения гротеск трансформировался в художественный метод, что особенно ярко проявилось в творчестве Ф. Рабле, И. Босха и П. Брейгеля.

Особую значимость для понимания специфики русского гротеска имеет работа Д.С. Лихачева, А.М. Панченко и Н.В. Поньрко «Смеховой мир Древней Руси», в которой подчеркивается уникальное сочетание карнавального начала с практиками православного юродства. Если

¹⁰ Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. М. : Художественная литература, 1990. С. 38.

западноевропейский карнавал ниспровергал официальную культуру, то русское юродство «призвано было достичь спасения в рамках установленной культурной иерархии»¹¹.

В параграфе «Праздник, пир, пища: гротескные образы в «Столбцах» Н. Заболоцкого» анализируется карнавальная природа мотивов, связанных с пиршественными практиками, восходящими к народной смеховой культуре.

В «Столбцах» Н. Заболоцкого ключевыми пространствами гротескной образности выступают пир, рынок и карнавал, где границы между живым и неживым, высоким и низким стираются. Например, в стихотворении «Свадьба» приготовление цыпленка уподобляется погребальному обряду: «Наморщил разноцветный лобик / И тельце сонное сложил / В фаянсовый столовый гробик»¹², а дом персонифицируется, обретая черты материально-телесного низа: «Огромный дом, виляя задом, / Летит в пространство бытия» (с. 49). Метаморфозы характерны и для других текстов: в «Рыбной лавке» рыбы наделяются человеческими чертами: севрюга висит «вытянувши руки» (с. 55), а угри дымятся «подогнув колени» (с. 55).

Мотив еды и пира приобретают у Н. Заболоцкого двойственную природу, соединяя сакральное и профанное начала, что находит параллели в традиции средневековых «веселых проповедей», в которых процесс приготовления пищи описывается как ритуальная казнь. Кухонное пространство в поэзии Н. Заболоцкого интерпретируется как место карнавальных метаморфоз и космогонических преобразований материи.

В третьем параграфе «Анатомия распада: поэтика разъятого тела» анализируется функционирование гротескного образа разъятого тела в «Столбцах» («Искушение», «Футбол», «На рынке»).

¹¹ Лихачев, Д. С., Панченко, А. М. Смеховой мир Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. Л. : Наука. 1976. С. 25.

¹² Заболоцкий, Н. А. Собр. Соч. В 3 т. Т. 1 / Н. А. Заболоцкий. М. : Художественная литература, 1983. С. 49. В дальнейшем все тексты поэта приводятся по данному изданию с указанием страницы в тексте автореферата.

В стихотворении «Искушение» разложение тела девушки завершается его возрождением в форме дерева, знаменуя цикличность бытия. В «Футболе» индивидуальная смерть форварда не отменяет коллективного бессмертия: «Мы живем» (с. 35).

Путем деформации привычных форм поэт раскрывает универсальные законы бытия. Творчество поэта синтезирует традиции карнавальской культуры, средневековых пародий и научных представлений XX века, создавая уникальную художественную систему, позволяющую увидеть мир в его становлении и бесконечном обновлении.

Глава II. « “Летая книзу головой”»: организация абсурдного пространства в « “Столбцах”»

В первом параграфе «Философия и поэтика абсурда» рассматриваются теоретические аспекты абсурда как литературной категории и его специфическое преломление в творчестве Н. Заболоцкого. Прослеживается понимание абсурда в экзистенциальной философии и авангардных практиках.

Гротеск и абсурд как эстетические категории обладают глубокой концептуальной взаимосвязью, восходящей к их общей природе как двух способов художественного нарушения нормы. Гротеск, понимаемый в бахтинской традиции как явление карнавальской культуры, основан на принципах деформации, гиперболизации и амбивалентного сочетания противоположностей. Абсурд, в свою очередь, возникает как результат сознательного разрушения логических, языковых или сюжетных связей, создавая эффект смыслового диссонанса.

Как отмечает Е.Ю. Леонова, обе категории «визуальны» и «могут быть соединены с фантастическим»¹³. В модернистской традиции XX века они

¹³ Леонова, Е. Ю. Гротеск и абсурд в детской литературе: соотношение понятий / Е. Ю. Леонова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. №8. С. 19.

часто сливаются, формируя единый художественный механизм: гротескный образ, лишенный контекста, порождает абсурдную ситуацию, а абсурд требует гротескной визуализации. Л. М. Геллер подчеркивает, что «абсурд отсылает к “внутреннему” плану содержания, гротеск – к “внешнему” плану выражения»¹⁴.

В параграфе «Мотив опьянения как способ организации абсурдного пространства» анализируется роль данного мотива как структурного принципа поэтики абсурда в «Столбцах».

В поэзии Н. Заболоцкого абсурд проявляется через мотив опьянения, деформирующего восприятие реальности. В стихотворениях «Пир» и «Вечерний бар» алкоголь становится катализатором трансформации пространства: «В бокале плавало окно» (с. 32), «лица плоски точно блюдца» (с. 355).

Действие большей части стихотворений «Столбцов» происходит ночью («Белая ночь», «Вечерний бар», «На лестницах», «Игра в снежки», «Новый быт», «Пекарня», «Свадьба», «Народный дом», «Бродячие музыканты» и т. д.). Ночной хронотоп усиливает эффект дезориентации, создавая поэтику «мира наизнанку».

В третьем параграфе «Детский взгляд как поэтический принцип» рассматриваются прием детского видения как один из способов остранения и образ ребенка в моделируемой Н. Заболоцким картине мира, сдвинувшегося с устойчивой системы координат.

Важным аспектом поэтики абсурда является использование детского сознания как способа восприятия мира. Стихотворения «Меркнут знаки Зодиака» и «Школа жуков» демонстрируют, как поэт использует детский взгляд для легитимации алогичных связей и образов.

¹⁴ Геллер, Л. М. Из древнего в новое и обратно: о гротеске и кое-что о сэре Джоне Рескине // Абсурд и вокруг: сб. статей / отв. ред. О. Буренина. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 75.

Образ ребенка в поэтической системе Н. Заболоцкого выполняет несколько функций: позволяет увидеть мир «очищенным» от стереотипов взрослого сознания, создает альтернативную систему ценностей и открывает утопический потенциал в самых обыденных явлениях.

В «Школе жуков» антропоцентричная картина мира подвергается радикальному пересмотру. В нарративной организации текста абсурд обнаруживает себя через пародийное воспроизведение педагогического дискурса, доведенного до логического предела: группы, представляющие собой социальные типажи (женщины, плотники, живописцы, каменщики) участвуют в создании новой антропологической парадигмы: «Откройте младенцам глаза, / Развяжите уши / И толкните неопытный разум / На первые подвиги» (с. 109).

В заключительном параграфе «Природный мир в “Столбцах” Н. Заболоцкого» исследуются взаимоотношения природного и урбанистического начал в «Столбцах» а также специфика натурфилософских взглядов поэта.

В стихотворении «Человек в воде» абсурд становится инструментом деконструкции антропоцентрической картины мира. Пространство текста организовано по принципу алогичных трансформаций; границы между человеческим, животным и стихийным началами последовательно размываются, что формирует систему взаимопроникающих образов, подчиненную внутренней поэтике абсурда.

Водное пространство как локус метаморфоз становится местом действия стихотворения «Подводный город». Принцип круговорота материи, воплощенный в образах «спящего» подводного города, раскрывает ключевую в натурфилософии Н. Заболоцкого проблему бессмертия: природа становится зримым воплощением непрерывности бытия. Эти мотивы тесно связаны с натурфилософскими идеями В. И. Вернадского и К. Э. Циолковского, оказавшими значительное влияние на поэзию Н. Заболоцкого.

В поэме «Торжество земледелия», абсурд приобретает особую философскую глубину. Разрушение логических связей является способом выражения кризиса традиционных представлений о взаимоотношениях человека и природы, становясь инструментом создания целостной художественной концепции. Специфика изображения природы у Н. Заболоцкого заключается в том, что дисгармония и алогизм в ней оказываются не конечной точкой, а отправным моментом развития, отражающим диалектику природных процессов.

Социальные реалии коллективизации служат для Н. Заболоцкого толчком для постановки экзистенциальных вопросов о жизни и смерти. Одной из важных тем в поэме является страдание разумных животных, чьи монологи сочетают философские размышления («Смерти бледная подвода просвещенным не страшна» (с. 122)) с физиологичной образностью («мозг лежит, как длинный студень» (с. 122)). Финал поэмы представляет собой объединение технократического пафоса («Славься, пение машин!» (с. 136)) и оптимизма, связанного с природной цикличностью (символический образ лопуха на могиле).

Функции абсурда в поэтической системе Н. Заболоцкого многообразны. Во-первых, он выполняет миромоделирующую функцию, создавая особый хронотоп, где время и пространство подчиняются не физическим, а художественным законам. Во-вторых, абсурд, разрушая привычные смысловые связи, создает предпосылки для формирования новых значений. В-третьих, он отражает важнейшие философские проблемы, связанные с кризисом рационального мировосприятия и поиском новых оснований бытия.

Путь развития поэтики Н. Заболоцкого позволяет говорить о нем как о мыслителе, который через разрушение привычных форм стремился к постижению универсальных законов бытия, находящихся за пределами обыденного рационального опыта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что в поэтической системе Н. Заболоцкого гротеск и абсурд выступают не только как стилистические приемы, но и как важные инструменты миромоделирования.

Гротеск у Н. Заболоцкого, с одной стороны, наследует традиции карнавальной культуры (с её амбивалентностью, материально-телесным низом и образами «разъятого тела»), а с другой — трансформируется под влиянием авангардных экспериментов ОБЭРИУ, приобретая черты философского высказывания.

Благодаря синтезу эстетики народно-смеховой культуры и практик авангарда в поэзии Н. Заболоцкого разрушаются логические и пространственные ориентиры. Это позволяет поэту раскрыть экзистенциальные противоречия бытия, сочетая философскую глубину с яркой образностью.

Центральными мотивами, в которых наиболее явно проявляется абсурд, становится пиршество, опьянение, детство и природа. В стихотворениях «Свадьба», «Рыбная лавка», «Вечерний бар» и др. абсурд приобретает многозначные значения: еда обретает черты сакрального действия, опьянение деформирует реальность, детское сознание легитимирует алогичные метаморфозы, а природа, вопреки ожиданиям, не противопоставляется урбанистическому хаосу, а сама подвергается абсурдным искажениям.

Гротескные образы «разъятого тела» также восходящие к народно-смеховой традиции, как правило, связаны в текстах Н. Заболоцкого с пространствами рынка и площади («На рынке»). Гротескное тело, находящееся в состоянии перманентной динамики, передает идею бессмертия, демонстрируя диалектику распада и обновления.

Особую роль в поэтике раннего Н. Заболоцкого играют гротескные образы «разъятого тела» и мотив бессмертия, восходящие к народно-смеховой традиции. Абсурд, в свою очередь, служит средством деконструкции реальности, обнажая её парадоксальность и выявляя кризис классических эстетических норм.

Таким образом, гротеск и абсурд в поэзии Н. Заболоцкого позволяют автору выразить сложные идеи о природе бытия, синтезируя научные, фольклорные и авангардные элементы в единый поэтический язык. Это делает творчество поэта не только значимым явлением литературы XX века, но и актуальным для современных читателей, открывающих в его текстах новые смысловые горизонты.